

Mona Awad

Bunny

Мона Авад

Зайка

Перевод Марии Чайковской

Москва
2021

УДК 82-3 *Впервые опубликовано Viking, подразделением Penguin Random*
ББК 84 *House LLC. Права на перевод предоставлены AJA Anna Jarota*
А 18 *Agency и The Clegg Agency, Inc., США. Все права защищены.*

Оформление обложки Юлии Маноцковой

Авад, Мона

А 18 Зайка / Пер. с англ. М. Чайковской. — Москва: Лайвбук, 2021. — 464 с.

ISBN 978-5-907056-77-0

Саманта — студентка претенциозного Университета Уоррена. Она предпочитает свое темное воображение обществу большинства людей и презирует однокурсниц — богатых и невыносимо кукольных девушек, называющих друг друга Зайками. Все меняется, когда она получает от них приглашение на вечеринку и необъяснимым образом не может отказаться. Саманта все глубже погружается в сладкий и зловещий мир Заек, и вот уже их тайны — ее тайны.

«Зайка» — завораживающий и дерзкий роман о неравенстве и одиночестве, дружбе и желании, фантастической и ужасной силе воображения, о самой природе творчества.

УДК 82-3
ББК 84

© 2019 by Mona Awad
© Мария Чайковская, перевод на русский язык, 2020
© ООО «Издательство Лайвбук», оформление, 2020

ISBN 978-5-907056-77-0

Издательства «Лайвбук» и PENGUIN поддерживают закон об авторском праве. Авторское право стимулирует творческий процесс, поощряет разнообразие, способствует свободе высказывания и поддерживает культурную жизнь. Благодарим вас за покупку официального издания этой книги и соблюдение закона об авторском праве, который предусматривает отказ от воспроизведения, сканирования и распространения какой-либо его части в любом другом месте и форме без разрешения автора. Приобретая официальные издания, вы поддерживаете писателей и издательский бизнес.

Это художественное произведение. Имена, персонажи и места действия вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, бизнес-процессами, компаниями, событиями или локациями случайно.

Посвящается Джесс

Содержание

Часть первая	11
Часть вторая	189
Часть третья	333

Часть первая

1.

Мы называем их зайками, потому что именно так они сами зовут друг дружку. Я не шучу. Зайками.

Например:

Приветик, Зайка!

И тебе привет, Заинька!

Чем занималась вчера, Зайка?

Да мы же вместе были, Зайка забыла?

Ой, и правда! Мы были вместе! Просто лучший вечер в моей жизни!

Зайка моя, я тебя люблю.

И я тебя, Зайка.

А потом они обнимаются так крепко, что кажется, будто сейчас одна из них лопнет. Честно говоря, всякий раз, когда я сижу за партой в классе или аудитории или прислоняюсь к стенке на кафедре и наблюдаю за тем, как четверо взрослых женщин — моих сокурсниц — сюсюкаются и душат друг друга в объятиях, втайне надеюсь, что именно это и случится. Они обнимаются, когда здороваются. Обнимаются, когда прощаются. А иногда начинают обниматься на ровном месте, *просто потому что ты такая душенька, Зайка!* И они тискают кремовые тельца друг друга с такой яростью

и сплетаются в такой горячий клубок любви, что даже у меня дух перехватывает. Они прижимаются щека к щеке, трутся курносыми носиками или висками. В такие минуты они напоминают мне обезьян, выбирающих друг у друга вошек. А еще миленьких демонических девочек из фильма ужасов. Четыре пары глаз жмурятся в почти что религиозном экстазе. Четыре пары напомаженных губок раздвигаются в приступе монструозной любви и издают визг, от которого у меня начинает дергаться глаз.

Люблю тебя, Зайка!

Сколько раз в прошлом семестре я втайне возносила молитвы, чтобы одна из них все-таки лопнула в этом удушяющем объятии. Чтобы нежная плоть брызнула из рукавов, белых воротничков и воздушных юбочек, пышных, как завиток крема на капкейке. Чтобы одна из них случайно запуталась в прическе а-ля мать драконов, хитросплетениях косичек, которыми они все украшают свои аккуратные головки сердечком, и задохнулась. А не в косичках, так в приторных травяных духах, которыми они все душатся.

Но ничего из этого так и не произошло. Ни разу.

Они всегда выбирались из объятий целыми и невредимыми, сколько бы лучей ненависти я ни посылала в их сторону своими выпученными, как у злодея из мультика, глазами. Улыбались. Брались за ручки и раскачивали ими из стороны в сторону. В такие минуты их персиковая кожа так упоительно сияла от удовольствия, словно они только что умылись ключевой водой.

Люблю тебя, Зайка!

И презрение сокурсников им как с гуся вода. Мое, например. Саманты Хизер Маккей. Она-то не Зайка. И никогда не станет.

Я наливаю нам с Авой еще по стаканчику бесплатного шампанского в дальнем углу шатра и прислоняюсь плечом к белой дорической колонне, окутанной облаком дышащего тюля. Сейчас сентябрь. Национальный университет Уоррена. На факультете повествовательных искусств в самом разгаре традиционный *Demitasse** в честь начала учебного года. Потому что наш университет слишком элитарный, чтобы называть тусовку тусовкой. Смотрите, какие у нас изысканные вазы с тигровыми лилиями. А как красиво смотрятся рождественские гирлянды на облаках из воздушного тюля, плавающего повсюду, точно вы вдруг оказались в толпе призраков! А еще взгляните, какие у нас оловянные подносы, нагруженные семгой на шпажках и кростини с утиной печенью, украшенные крошечными засахаренными орхидеями. Взгляните на этих важных белых мужчин в черных смокингах, самодовольно обсуждающих гранты, выбитые на перевод французской поэзии, которую все равно никто не будет читать. Только посмотрите, как все эти заумные умы набились в этот пышный шатер, точно перья в подушку, — прекрасно постигшие все на свете искусства, кроме искусства общения. Улыбаются, забывая о том, что этот город — филиал ада на Земле. Или, как мы с Авой называем его, Логово Ктулху. Ктулху — это гигантский

* Праздник, который устраивают в кругах богемы. Носит одноименное название с маленькими кофейными кружечками. — *Здесь и далее, за исключением переводов и случаев, оговоренных особо, примечания переводчика.*

кальмароподобный монстр, порождение автора классических ужасов, который сошел с ума и умер здесь. И, знаете что, это не удивительно. Гуляя по улицам городка, лежащего за стенами Уоррена, чувствуешь, что с этим местом что-то неладно. Что-то не так с домами, деревьями, уличными фонарями. Стоит заговорить об этом в компании, и люди изумленно поднимают брови, не понимая, о чем речь. Все, но только не Ава. Ава в такие моменты говорит: *«Да, боже, вот именно! И город, и дома, и деревья, и фонари — тут, блин, все нездоровое какое-то!»*

И вот я стою, слегка покачиваюсь, переполненная теплым шампанским, ливером и еще невесть каким теплым бухлом, которое то и дело подливает в мой пластиковый стаканчик из фляги Ава.

— Еще раз — что это, говоришь, такое? — спрашиваю я.

— Да ты просто пей.

Я наблюдаю поверх ее солнцезащитных очков за тем, как женщины, которых я, увы, вынуждена называть своими коллегами, встречаются после летних каникул, которые провели в разлуке в разных далеких краях: на каких-нибудь тропических островах, на юге Франции или в Хэмптонсе. Как их маленькие тела пылко бросаются навстречу друг другу в непонятном для меня восторге. Как их ногти, выкрашенные ядовито-ярким лаком, вонзаются в пухленькие ручки с яростным, но, не устану это повторять, насквозь фальшивым обожанием. Как их блестящие губки размыкаются, чтобы произнести эту их дурацкую кличку.

— Господи, они это серьезно? — кривится Ава.

Она впервые наблюдает всю эту вакханалию слащавости вблизи. Я рассказывала ей про них еще в том году, но она мне не поверила: *«Не могут взрослые женщины так себя вести. Ты все выдумала, Хмурая»*. За лето я и сама чуть было в это не поверила. В каком-то смысле сейчас было даже приятно их увидеть и убедиться, что я все-таки не сошла с ума.

— Ага, — говорю я. — Даже слишком.

Я вижу, как она рассматривает их сквозь сетчатую вуаль своим фирменным взглядом Дэвида Боуи — со смесью ужаса и тоски, сжав губы в невыразительную красную линию.

— Теперь-то мы можем уйти?

— Я пока не могу, — говорю я, не отрывая взгляда от заек.

Они, наконец, отлепились друг от дружки. На слащавых платьицах ни складочки, прически — по-прежнему волосок к волоску. Лица лоснятся, подпитанные незримым сиянием медицинской страховки. Они сбились в кучку и дружно умиляются неугомонному ши-тцу одной из преподавательниц.

— *И почему же?*

— Я уже говорила, мне нужно посветить лицом.

Ава смотрит на меня и пьяно сползает по колонне. Я до сих пор ни с кем не поздоровалась. Ни с поэтами, исчадиями собственного булькающего ада. Ни со свежеиспеченными фантастами, неловко хихикающими над креветками. Даже с Бенджамином, дружелюбным администратором, за которого я обычно держусь на таких мероприятиях, помогая ему размазывать свежий паштет по тостам. Даже с Фоско, преподавательницей, которая вела у нас творческую мастерскую

весной. Ни со всеми остальными представителями нашего многоуважаемого факультета. *А как твое лето, Сара? Как продвигается диссертация, Саша?* И все — с вежливым равнодушием. Они вечно забывают, как меня зовут. Что бы я ни сказала — честно призналась, что диссертация застряла, или откровенно наврала с полыхающими ушами, что все прекрасно, — реакция всегда одна и та же: неизменный понимающий кивок и немного печальная улыбка, вслед за которой мне скормят банальные до боли зубовной слова о том, что Процесс изворотлив и неуловим, а Работа — неверная подруга. *Просто поверь мне, Саша. Прояви немного терпения, Сара. Иногда полезно и отступить, Серена. Иногда, Стефани, нужно хватать быка за рога.* А за этим обычно следует пространный рассказ об аналогичном кризисе, который переживали они сами, пребывая в ныне уже, увы, закрытой рабочей резиденции где-то в Греции, Британии, или Эстонии. Слушая, я буду понимающе кивать и все глубже и глубже вонзать ногти в собственную руку.

И уж точно я не стала здороваться со Львом. Хотя он и здесь, разумеется, — где же ему быть. Точно где-то здесь. Я вроде бы видела его краем глаза — он возмужал за лето, обзавелся парочкой новых татуировок. Он наливал себе бокал красного вина у бара. Голову он не поднимал, хотя я и заметила, что он почувствовал мой взгляд. А потом он заметил, что я заметила, но все равно никак не отреагировал и невозмутимо продолжал заниматься вином. После я его уже не видела, скорее ощущала его присутствие затылком. Когда мы только пришли, Ава сказала, что Лев, должно быть, где-то неподалеку, *потому что — ну ты*

только взгляни, — как небо вдруг посмурило безо всякой причины.

Все мое искусство общения в этот вечер свелось к полуулыбке в адрес того, кого зайки называют Шизанутым Ионой, моего собрата из поэтической группы, который прямо сейчас стоит в одиночестве у чаши с пуншем и блаженно улыбается, пребывая в своем блаженном мире антидепрессантов.

Ава вздыхает и прикуривает от одной из спиртовых свечек, которыми усыпан наш стол. Оглядывается на заек — те в этот момент разговаривают о чем-то и поглаживают друг друга по рукам.

— Я так скучала по тебе, Зайка, — воркуют они то-ненькими приторными голосками, хотя, блин, стоят в метре друг от друга, и я прямо ощущаю у себя на языке этот металлический привкус ненависти, которая переполняет их сердца.

— А я скучала по тебе, Зайка. Без тебя это лето было просто невыносимым. Я и слова написать не могла, так мне было грустно. Давайте больше не будем расставаться, хорошо?

Ава, услышав все это, запрокидывает свою пушистую голову и откровенно хохочет, даже не пытаясь прикрыть лицо ладонью. Какой восхитительный, хриплый смех. Разливается в вечернем мареве, точно музыка, которой здесь, конечно же, нет.

— *Тихо!* — пытаюсь урезонить ее я, но уже поздно.

Смех привлекает внимание одной из заек, которую я называю Герцогиней, и она поворачивает в нашу сторону

свою головку в короне ведьмовских платиновых локонов. Сначала она смеряет взглядом Аву. Затем меня. Затем снова Аву. Должно быть, удивлена, что я в кои-то веки стою не одна и что у меня тоже могут быть подруги. Ава встречает ее взгляд смело и открыто, прямо как я в своих мечтах, когда воображаю себя храброй и крутой. У Авы взгляд грозный, европейский. Не отводя глаз, она продолжает курить и потягивать шампанское. Как-то раз она рассказала мне о том, как играла в гляделки с цыганкой в парижском метро. Та женщина откровенно глазела на нее, и Ава решила поглазеть в ответ. Они неслись сквозь Город Огней и целились друг в друга взглядами, точно из ружей. Просто смотрели друг на дружку с разных концов громыхающего вагона. А потом, не отводя от цыганки глаз, Ава медленно и многозначительно сняла сережки. Зачем она это сделала? Она решила, что сейчас они схватятся не на жизнь, а на смерть. Но, когда поезд прибыл на остановку, цыганка просто встала и направилась к выходу, да еще и двери вежливо придержала, пропуская Аву вперед.

Ну, и какой урок мы можем из этого извлечь, а, Хмурая?

Не делать скоропалительных выводов?

Никогда не отводить взгляд первым.

Поворот головы Герцогини тянет за собой головы остальных заек. Сначала оглядывается Кексик. Затем — Жуткая Кукла стреляет в нас взглядом тигриных глаз. А после и Виньетка поворачивает в нашу сторону свое скуластое викторианское личико с изумленно приоткрытыми пош-

Зайка

лыми губами. Все они разглядывают нас с Авой с головы до пят, впиваясь взглядами с той же жадностью, с которой их маленькие ротки потягивают причудливые коктейли. Носы подрагивают, восемь глаз смотрят на нас, не мигая. Смотрят и смотрят. А потом резко обращаются к Герцогине и склоняются друг к другу, а их густо намазанные блеском губки начинают шептать.

Ава стискивает мою руку, крепко.

Герцогиня оборачивается к нам, приподняв бровь, и поднимает руку. В ней, что, невидимый пистолет? Да вроде бы нет. Ее ладонь пустая. А затем она неторопливо машет. Мне. На ее лице даже некое подобие улыбки. А губы произносят: «Приветик».

Моя рука внезапно оживает и поднимается прежде, чем я успеваю опомниться. Я машу им в ответ и говорю «Привет» одними губами.

А потом все остальные зайки, как по команде, поднимают руки и начинают махать мне в ответ.

И вот уже мы все машем друг другу под воздушными облаками тюля.

Все, кроме Авы. Она молча затягивается и разглядывает заек так, словно перед ней — четырехглавая гидра. Когда же я наконец опускаю руку и поворачиваюсь к ней, вижу, что Ава смотрит на меня так, словно я ей чужая. Или и того хуже.

2.

На следующий день я нахожу в своем факультетском почтовом ящике приглашение, аккуратно сложенное в оригами в виде белого лебедя. Должно быть, кто-то из них просунул его между журналами с экспериментальной поэзией и листовками с рекламой факультетских чтений, премьеры румынской документалки и пьесы одной актрисы под названием «Город есть Тело, Тело есть Город». Я пришла сегодня рано, еще до начала занятий, проверить, пришла ли стипендия. Пока нет. Я бросаю остальную почту в мусорку, а затем разглядываю лебедя. Кто-то из них разрисовал его рудиментарную голову пурпурными чернилами. Две влажные точки глаз по бокам от очень острого клюва. Они подкрасили его помадой и нарисовали ямочки на щеках — чтобы казалось, будто он улыбается. На крыле надпись — «Открой меня!☺».

*Саманта Хизер Маккей,
Мы сердечно приглашаем ВАС на...
НЕПРИСТОЙНЫЕ ПОСИДЕЛКИ*

Когда: «Синий час»☺*

Где: Вы знаете, где☺

Принести: Себя, пожалуйста☺

* «Синий час» — время дня, когда солнце находится за горизонтом — перед восходом или сразу после заката до наступления ночи (здесь второе), — но все же излучает свет.

Я смотрю на свое имя, написанное витиеватым почерком блестящими чернилами, усыпанное завитушками и крошечными сердечками. Чья рука его выводила, должно быть, Кексика или Жуткой Куклы? В коридоре, как всегда, холод собачий, но меня внезапно прошибает пот. Это, скорее всего, ошибка. Это ошибка. Черта с два они когда-нибудь пригласили бы меня на свои Непристойные посиделки. Это же их зайкино гнездо, событие их узкого круга, вроде Ми-Ми-Вторников, просмотра «Холостячек» под винишко или лепки лесных зверюшек из жженого сахара. Весь год зайки без конца обсуждали эти свои Посиделки под дверями аудитории, пока мы ждали начала Мастерской.

О Боже, КАК мы вчера классно посидели на Посиделках!

И я ЯВНО махнула лишнего!

О, а на следующих Посиделках мы могли бы...

А остальное дошептывалось на ушко, прикрытое ладошкой.

Еще раз разглядываю свое приглашение. Быть не может, чтобы оно было мне. Но ведь на нем мое имя, и все такое. *Саманта Хизер Маккей*, окруженное пухлыми сердечками. При виде моего имени, украшенного всеми этими завитушками, внутри все почему-то стыдливо и неловко сжимается. Я вспоминаю, как вчера они махали мне. Сначала Герцогиня, а потом и все ее зайки. И как я сама махала им в ответ и не могла остановиться.

В этом семестре мы опять будем ходить в Мастерскую впятером. А начинается она уже завтра. Мысль об этом снедала меня все лето. Мне придется сидеть с ними в комнате целых два часа и двадцать минут. И этого никак не избежать.

Каждую неделю. Тринадцать недель. Я боялась, что все будет в точности как в прошлом году. Я с одной стороны квадрата из столов, они все — с другой, сбившись в кучку, слившись в единое тело с четырьмя головами и четырьмя парами прищуренных глаз. Герцогиня читает вслух свои тексты, нацарапанные бриллиантовым стилусом на стеклянных планшетах, а зайки — прикрыв глазки — слушают ее, будто это оперная ария. Пожимают друг другу ручки, восхваляя услышанное. *Ох, неужели это все, я бы послушала еще тысяч пять страниц! Можно я просто скажу, что растворилась в твоём тексте и теперь хочу поселиться в нём навечно?* Рассеяно трогают и гладят друг дружку, обсуждая наше еженедельное творчество. Внезапно взрываются смехом от какой-то шутки, понятной только им. Я никогда не смеялась над этими шутками, потому что не понимала соль, а они мне все равно не рассказывали, ведь им было некогда, они заливались смехом. *Прости, Саманта, ты просто не в курсе.* Да, вынуждена признать, я не в курсе. И так могло продолжаться несколько минут. Они хохотали со слезами на глазах, хватали друг друга за руки и плечи, пока я сидела на другом конце стола и глядела в никуда. А Фоско тем временем молча наблюдала за всеми нами. Я начала приходить на занятия все позже и позже. И в конце концов совсем перестала приходить. Представляю, как Фоско спрашивала их: *«А где же Саманта?»* А они все такие — *«Понятия не имеем»*. И пожимали плечиками в кашемире с беспомощными улыбками на лицах.

Может, в этом году они решили принять меня в свою компанию? Может, это приглашение — такой жест доброй

воли? Или просто шутка? Да нет, это точно шутка. Так и вижу, как маленькие аккуратные пальчики складывают этого лебедя на столешнице роскошного дубового стола, стоящего перед окном, откуда открывается вид на пышную аллею. Как сосредоточенно закусывается пухлая блестящая губка остренными белыми зубами.

— Вот сучки, — тихо бормочу я в молчаливую пустоту коридора.

— Привет, Сэм.

Я подпрыгиваю от неожиданности. Это Иона. Стоит позади и роется в своем почтовом ящике с улыбкой, как у Джима Керри в «Вечном сиянии чистого разума».

— Иона, ты напугал меня до черта.

— Прости, Сэм, — кажется, ему и правда становится совестно. — С кем ты разговаривала?

— Да ни с кем. Сама с собой. Иногда со мной такое бывает.

— И со мной тоже, — ухмыляется он. — Постоянно.

У него стрижка «под горшок», словно ему на голову надели суповую тарелку и обстригли. На нем расстегнутая парка, которую он никогда не снимает. А под ней — футболка с рисунком в виде котенка, играющего на синтезаторе в открытом космосе. Иона когда-то был наркоманом, а теперь вроде бы на реабилитации. Но все съеденные «колеса» оставили свой след, и голос у него стал тягучий, как слизь. А еще он самый лучший поэт в университете, самый дружелюбный и щедрый на сигареты парень среди всех, кого я знаю. Не совсем понимаю, за что его так недолюбливают собратья по цеху, за исключением, разве

что, парочки ребят, еще неопределившихся с жанром. Может, все дело в том, что писатели и поэты не дружат ни в академическом, ни в социальном смысле. Помню, однажды, сидя в Мастерской, я увидела в окно, как Иона тащится за своей группой, безмятежно улыбаясь в пространство, пока они дружно перемывают ему кости. Знакомая до боли ситуация. Вот только Ионе, в отличие от меня, на все это наплевать. Он неуязвим, потому что почти всегда пребывает в своем поэтическом мире, а там ему ни холодно ни жарко.

— Какими судьбами в такую рань, Сэм?

— Да просто проверяла стипендию.

— О, слушай, мне тоже надо бы проверить, — радуется он. — Ох, мне степуха сейчас будет так кстати! Я тут закупил целую кучу книжек и пластинок, если сейчас стипендию не сниму, весь месяц буду есть лапшу из пакетика. У тебя такое бывало?

— Еще бы.

Ни разу не было. Потому что я себе такого расточительства позволить не могу. И весь этот разговор меня уже немало напрягает.

— Хм, как думаешь, стоит сходить? — он помахивает листовкой с пьесой.

— Нет! — вскидываюсь я, о чем тут же жалею и добавляю: — Я... ну... терпеть не могу постановки, Иона.

— М-м. Я вообще-то тоже. По большей части. Кстати, я видел тебя на вечеринке вчера. Даже вторую сигарету закурил, думал, ты придешь в курилку.

— Ага. Я просто рано ушла.

— М-м... — он рассеянно, понимающе кивает.

Наша с Ионой дружба завязалась на том, что мы стреляли друг у друга сигареты на улице и в курилках всевозможных мероприятий, которые я всячески стараюсь избегать. Обычно я первым делом нахожу дверь, через которую можно выскользнуть, и всегда натываюсь в холодных сумерках на Иону, курящего неподалеку от урны. *«Привет, Саманта!»* Так я узнала, что он — единственный со всего факультета, кроме меня, кто поступил напрямую, а не после колледжа при университете. Что он просто ради забавы подался на факультет, про который нам вечно твердят, что он самый трудный, самый избирательный в стране и вообще черта-с-два-ты-туда попадешь. И прошел же, хотя и сам думал, мол Черта-С-Два-Все-Равно-Не-Попаду.

Скажи, здесь круто, обратился он ко мне в курилке на одной из первых вечеринок.

Ага, буркнула я, не сводя глаз с заек, которые уже успели сплестись в свой тесный змеиный клубок, блаженно жмуря глазки в объятиях друг друга, — ради бога, они ведь только познакомились, да как так-то!

Я как будто во сне, продолжал Иона, *и все думаю, когда же я проснусь? Может попросить кого-нибудь меня стукнуть?*

Ты хотел сказать «ущипнуть»?

Щипок от такого не разбудит. А если и разбудит, то проснусь я в Фэрбанксе на Аляске, в отцовском подвале. А где ты проснешься, если тебя стукнуть?

Я проснулась бы за кассой в магазинчике где-то в Межгорном регионе глубоко на Западе, тупо пялясь в кирпичную

стену. И по вечерам писала бы, пытаюсь удрать оттуда в вымышленный мир.

В Мордоре, твердо сказала я Ионе.

Тогда лучше не будем бить друг дружку, усмехнулся он.

— Как пишется? *Лето прошло с пользой?* — улыбается он, передразнивая руководителя Мастерской смешанного жанра, Хальстрома, который вел ее весной и без конца капал нам на мозги, что лето — это прекрасная возможность для творчества, *которую нельзя упустить*. Потому что нам всем нужно будет к апрелю предоставить завершенную рукопись, а этот финальный год пролетит как один миг. И глазом моргнуть не успеем, как все это — он эффектным щелчком ухоженных пальцев обвел искусственные колонны, холодный камин и стены, как в пещере, — все исчезнет. На этих его словах все зайки дружно передернули плечами и мысленно обнялись. А поэты мысленно приготовились к неминуемой творческой бедности.

— Я вот свое лето удачно прошляпил, — вздыхает Иона. — В смысле я написал аж два сборника, но они такие стремные получились, что я теперь сижу и пытаюсь довести до ума хотя бы один. А ты, наверное, все лето строчила как сумасшедшая.

Я вспоминаю свое лето и вижу запылившиеся объявления на задней стороне музыкального киоска в университетском городке и пьяные танцы до упаду на крыше у Авы дома. Правда, иногда я все же поглядывала на пустую белую страницу с безвольно повисшим карандашом в руке. Иногда рисовала на этой странице глаза. Выводила задумчивое: «*Что я здесь делаю? Что я здесь делаю?*» — снова и сно-

ва. По большей части просто тупо пялилась в стену. Пустая и белая, она загадочным образом превращалась в моих глазах в пустую белую страницу блокнота, и наоборот. И так все лето.

— Ну, не знаю насчет *сумасшедшей*...

— Я все еще помню тот рассказ, что ты принесла в Мастерскую в прошлом году. Ну, помнишь, тот, который еще всем не понравился?

— Да, Иона, я помню.

Помню лица, искаженные ужасом. Озадаченно склоненные головы.

— Я его частенько вспоминаю. В смысле его вообще трудно забыть. У тебя вышло так...

— Зло? — прихожу ему на помощь я. — *Умышленно извращенно? Мрачно и агрессивно?* Я знаю. Мне кажется, примерно на таком мнении все тогда сошлись.

— Нет! В смысле да, получилось зло и мрачно, и извращенно. Если честно, твой рассказ напугал меня до усрачки, да так, что я пару недель не мог выкинуть его из головы. Но этим он мне и понравился. То, какой этот текст был злой, мрачный и извращенный, — он сияет улыбкой. — Типа, кто бы мог подумать, что обычный аквариум может оказаться таким жутким местом?

— Ага.

— Но, если вдуматься, ведь так все на деле и есть.

— Спасибо, Иона. Мне тоже зашло то твое стихотворение, которое всем не понравилось.

— Правда? А я уже хотел его порвать и выбросить...

— Не нужно. *Этого* они и добиваются.

Вышло чуть более запальчиво и горько, чем я хотела.

— Чего? — озадаченно переспрашивает Иона.

— Да неважно. Я лучше пойду. А то опоздаю на занятия.

Никуда я не опаздываю, потому что в это время нет никаких занятий. Но перед моим внутренним взором маячит Ава, ожидающая меня на скамейке и провожающая проходящих мимо студентов своим убийственным взглядом.

Хмурая, блин, шевели булками.

— М-м, ну ладно. Слушай, Сэм, а можно мне как-нибудь еще что-то твое почитать? Я, типа, ну, тащусь от твоих рассказов. Реально тащусь. У меня после того раза прямо ломка по твоим текстам, понимаешь?

— Эм-м... Да, наверное. Конечно, без проблем.

— Круто. Так может, как-нибудь встретимся, и...

В конце коридора у Ионы за спиной раздается звоночек приехавшего на этаж лифта, и у меня внутри все сжимается. Потому что я знаю, кто приехал, еще до того, как откроются двери. До того, как в коридор шагнет его высокая лоценовая фигура, до того, как я услышу знакомое насвистывание. До того, как увижу его гриву — само воплощение Хаоса, тщательно культивируемого и уложенного глиной. Его руки, покрытые татуировками — воронами, которые словно следят за каждым твоим шагом. Лев. Идет прямо к нам в футболке с психоделическим и непонятным логотипом какой-то рок-группы. Одной из тех, которые мы обсуждали, когда общались. Он идет, овейанный ароматом зеленого чая, который обычно заваривает в своем кабинете и церемониально разливает по голым глиняным чашечкам без ручек. *«Как пишется, Саманта?»* навер-

няка спросит он меня своим глубоким голосом с шотландским акцентом.

Я вижу, как его львиное лицо слегка вытягивается при виде студентов в коридоре. Нужно проявить участие и дружелюбие. Спросить их, как прошло лето. Как им пишется. Все ли в порядке, получили ли они стипендию? И потом, я же тоже студентка, а значит, спросить нужно и меня. Это все усложняет. Однако он улыбается. Ну конечно же, улыбается. Это ведь его работа.

— Доброе утро, Иона. Саманта, — его голос едва слышно проваливается, когда он произносит мое имя, но он явно старается, чтобы прозвучало ровно и спокойно.

И отпускает нам крошечный кивок гривастой головой.

Я наблюдаю за тем, как он роется в своем почтовом ящике, битком набитом книгами и письмами. Тихо напевает себе под нос. Неспешно просматривает почту.

— Саманта, с тобой все в порядке? — спрашивает Иона.

Мне бы просто подойти к нему, как я воображала, наверное, тысячу раз, хлопнуть его по плечу и спросить: *«Слушай, мы можем поговорить?»* Возможно, его удивит мой вопрос. Быть может, даже застигнет врасплох. *«Поговорить?»* спросит он, бегая взглядом в поисках спасения. Словно я предлагаю нечто опасное, пугающее, даже незаконное. *«Боюсь, я сейчас занят, Саманта. Но, может, заглянешь ко мне в рабочее время?»* Ну или он может прикинуться дурачком. Обратит ко мне прохладно-безразличное, непроницаемое лицо и ответит: *«Да, конечно, Саманта. В чем дело?»* И еще посмотрит выжидающе, мол, *пожалуйста, прошу. Говори.*

— Саманта?

Ну и что потом? Мне придется перейти прямо к делу и сказать: *«Я не совсем понимаю, что между нами произошло, но я так больше не могу, все становится слишком странным, давай уже с этим разберемся?»* Больше всего я боюсь, что в этот момент он посмотрит на меня как на ненормальную. Странным? Произошло? Между нами? *«Прости, Саманта, но я не понимаю, о чем ты»*. При этом он не встревожится ни на йоту.

Но сейчас, когда я вижу его прямо перед собой и смотрю, как он проверяет почту, напевая себе под нос и задумчиво улыбаясь, цепенею и даже пошевелиться не могу — не знаю почему, но понимаю, что теперь мне действительно лучше уйти.

— Саманта, подожди, — окликает меня Иона.

— Я правда опаздываю, мне пора на занятия.

Лев поднимает взгляд от своей почты. Уж ему-то хорошо известно, что мне некуда опаздывать. Что в это время нет никаких занятий. И что я бегу от него, поджав хвост, как перепуганная... еще раз, на кого там охотятся львы?

— М-м, ну ладно. Удачи на занятиях, Саманта, — Иона машет мне вслед.

Машет и машет, невольно напоминая о том, как вчера это делала я.